

Марина ПОДГУЗОВА

«ПИШУ Я ПАРТИТУРУ СОВЕРШЕННО ЗАНОВО», ИЛИ НЕИЗВЕСТНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОДНОЙ ОПЕРНОЙ ПОСТАНОВКИ

(ОБ ОПЕРЕ «ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ» М. В. КОВАЛЯ
В ОРКЕСТРОВКЕ Д. Р. РОГАЛЬ-ЛЕВИЦКОГО)

«Емельян Пугачев» — бесспорно лучшее создание Коваля» [2, 48]. Так или примерно так начинались многочисленные хвалебные рецензии начала сороковых годов прошлого века на «лучший образец советского хорового искусства» [2, 51]. Опера была поставлена 7 ноября 1942 года Ленинградским театром оперы и балета им. С. М. Кирова, находившимся во время войны в эвакуации в Перми.

Премьера «...получила высокую оценку советского правительства» [1, 52]. Ее автору, создателям постановки — дирижеру А. Пазовскому и художнику-декоратору Ф. Федоровскому, а также исполнителям главных ролей, постановлением правительства от 20 марта 1943 года были присуждены Сталинские премии первой степени. Имен либреттиста В. В. Каменского и оркестровщика Д. Р. Рогаль-Левицкого¹ в списках награжденных не оказалось.

В архиве В. А. Киселева в РГАЛИ² хранятся адресованные ему письма Д. Р. Рогаль-Левицкого, которые проливают свет на это странное обстоятельство. Переписка велась между друзьями на протяжении двадцати лет (1923–1943). Материалом данной публикации послужили письма 1942 года, где содержатся до сих пор остававшиеся неизвестными сведения о подготовке «Емельяна Пугачева» к постановке.

Обнаруженные факты сегодня позволяют развенчать сложившиеся более чем полвека назад представления об опере, а также ответить на вопрос, долгое время оставшийся открытым: в чем же причина полного забвения заслуг Д. Р. Рогаль-Левицкого в постановке «Емельяна Пугачева»?

В изданиях того времени мелькают суждения подобные тому, что «...львиная доля успеха в предпринятом деле принадлежит по праву композитору, создавшему музыку столь убедительной в своих кульминациях силы» [4, 130]. При

Подгузова Марина Михайловна — кандидат искусствоведения, редактор Отдела компьютерных технологий и информационной безопасности Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского

этом роль Д. Р. Рогаль-Левицкого либо вовсе замалчивается, либо оценивается резко негативно. Журнал «Советская музыка» опубликовал статью Д. Б. Кабалевского, в которой автор задается вопросом: «Как же следует расценить результаты содружества Ковалья с Рогаль-Левицким?» [2, 48]. По мнению автора статьи, «...звучание оркестра можно назвать превосходным, что не удивительно, так как Рогаль-Левицкий хорошо известен как отличный знаток оркестра. Более того: Рогаль-Левицкому во многом удалось проникнуть в творческий замысел Ковалья и найти для него соответствующее оркестровое выражение» [2, 48]. Далее следует безжалостная и не вполне конструктивная критика в адрес музыканта, вдохнувшего жизнь в безликое творение: «Однако несомненное пристрастие Рогаль-Левицкого к оркестровым принципам французских импрессионистов с их утонченными и изысканными звучностями не смогло не сказаться на партитуре «Емельяна Пугачева». Непомерное злоупотребление арфой, *campanelli*, ударной группой, часто и очевидно противоречат характеру музыки Ковалья, простой, русско-напевной» [там же]. По-видимому, отмеченное автором статьи «злоупотребление» некоторыми оркестровыми тембрами объясняется желанием инструментатора замаскировать недостатки бедного музыкального материала, ведь М. Коваль не отличался ярким композиторским талантом. Приведу мнение о нем Д. Д. Шостаковича, высказавшегося о своем коллеге в крайне резкой форме: «Дерьмо... В полотеры надо идти, а не музыку писать. Коваль и Дзержинский — неспособные люди» [3, 35].

Однако суждение Д. Д. Шостаковича об уровне композиторского дарования автора «Емельяна Пугачева» в то время сильно отличалось от общепринятого. Приведенная выше рецензия Д. Б. Кабалевского является одной из многих, написанных тогда в том же хвалебном стиле.

Письма Дмитрия Романовича 1942 года к В. А. Киселеву во многом проливают свет на замолчанные в свое время обстоятельства, сопутствовавшие постановке оперы.

Идет война, и даже в городах, удаленных от линии фронта, ощущаются ее отголоски: голод, неустроенность, тяжелое моральное состояние. И именно в это время Д. Р. Рогаль-Левицкий получает заказ от Комитета по делам искусств на полную оркестровку оперы «Емельян Пугачев». По-видимому, тяжелое материальное положение, усугубившееся в военные годы, побудило музыковеда согласиться на работу, которая изначально была ему неприятна. Дмитрий Романович писал об этом своему другу: «Меня, конечно, завлекли в сомнительное предприятие и вынудили заняться тем, чем я никогда не помышлял заниматься»³.

И вот, начинается работа над постановкой.

В мае 1942 года Д. Р. Рогаль-Левицкий приезжает в Пермь на неопределенное время, — «от двух до трех месяцев»⁴ — чтобы работать над оркестровкой в не-

¹ Дмитрий Романович Рогаль-Левицкий (1898–1962) — музыковед, музыкальный редактор, выдающийся мастер оркестровки, профессор Московской консерватории им. П. И. Чайковского; с 1952 г. до смерти руководил кафедрой инструментовки на теоретико-композиторском факультете Московской консерватории.

² РГАЛИ, ф. 2985, оп. 1, ед. хр. 331.

Василий Александрович Киселев (1902–1975) — музыковед, редактор, научный сотрудник и ученый секретарь Научно-исследовательского кабинета Московской консерватории (1945–1951).

³ РГАЛИ, ф. 2985, оп. 1, ед. хр. 331, л. 29. Автограф. Чернила.

⁴ Там же. Л. 28. Автограф. Чернила.

посредственной близости от театра, в котором будет идти «Емельян Пугачев». Однако, осознав объем стоящих перед ним задач, Дмитрий Романович пишет другу: «Работа бесконечная, и, если мне удастся освободиться к августу, то это будет превосходно»⁵. Вернуться в Москву Д. Р. Рогаль-Левицкому удалось только в апреле 1943 года.

Основная тема писем — работа над инструментовкой оперы. Постепенно отношения Дмитрия Романовича с автором «Емельяна Пугачева» все более и более накаляются. По-видимому, Ковалю, с его посредственными способностями, не давали покоя профессионализм и музыкантское чутье его соавтора. Уже в начале работы возникает скрытое противостояние композитора и оркестратора. Вот что писал об этом сам Д. Р. Рогаль-Левицкий: «Театр настаивает на совершенно новой партитуре, что я и выполняю, хотя автор оперы “лезет в бутылку” и злится на меня. Словом, взрыв назревает, но Пазовский⁶ меня очень поддерживают и защищают»⁷. Чем дальше, тем хуже: «Взаимоотношения мои с автором крайне натянуты, хотя внешне все более или менее скрыто»⁸. М. В. Коваль в этой ситуации предстает человеком двуличным: «ведет он себя... весьма вызывающе и при всяком удобном случае стремится либо задеть, либо обидеть, либо даже [откровенно] оскорбить. Но, почему-то за спиной отзывается обо мне с большой похвалой и очень хвалит мою работу»⁹. Выясняются и другие шокирующие обстоятельства: «Пишу я партитуру совершенно заново и всю целиком по собственному усмотрению. У автора сделано не больше одной трети всей оперы, и ни о какой редакции нет давно и речи. Пазовский, вообще, запретил мне заглядывать в авторскую партитуру, чего я, кстати сказать, и не делал, полагает, что я сам сделаю лучше, чем два таких автора, как Коваль»¹⁰.

Чем дальше идет работа над оркестровкой, тем тяжелее и мучительнее становится ее автору: «...моя работа стала для меня так унижительна и отвратительна, что я все чаще и чаще задумываюсь либо над самоубийством, либо над полной сменой рода занятий. Первое меня привлекает больше...»¹¹. Несмотря на тяжелое моральное состояние Дмитрия Романовича, инструментовка была сделана им мастерски: «Работа моя, по отзывам других, звучит очень хорошо»¹². Инструментатор отмечает, что «...партитура выходит изумительная, меня даже отрекомендовали “гением”, но мне от этого вовсе не легче»¹³. И тут же в его письме сквозит чувство незаслуженной обиды: «Меня это бесит. Надо же было быть таким ишаком, чтобы так помочь этому Ковалю. За что, спрашивается? За хамство, которое я за это имею?»¹⁴. Позже

⁵ Там же, л.29. Автограф. Чернила.

⁶ Арий Моисеевич Пазовский (1887–1953) — дирижер, народный артист СССР, художественный руководитель Ленинградского театра оперы и балета им. Кирова (1936–1943).

⁷ РГАЛИ, ф. 2985, оп. 1, ед. хр. 331, л. 29. Автограф. Чернила.

⁸ Там же. Л. 33. Автограф. Чернила.

⁹ Там же.

¹⁰ РГАЛИ, ф. 2985, оп. 1, ед. хр. 331, л. 33. Автограф. Чернила.

¹¹ Там же. Л. 37. Автограф. Чернила.

¹² Там же. Л. 38. Автограф. Чернила.

¹³ Там же. Л. 30. Автограф. Чернила.

¹⁴ Там же. Л. 38. Автограф. Чернила.

Дмитрию Романовичу «<...>довелось <...>убедиться, что Коваль, в общем, оказался большим прохвостом, и директорское поведение [спровоцировано] исключительно им»¹⁵.

Премьера оперы «Емельян Пугачев» состоялась «и при самых неблагоприятных обстоятельствах»¹⁶ прошла с успехом. Однако заслуженного признания Д. Р. Рогаль-Левицкий так и не получил: «Грош — цена успеху, если все время приходится следить, как бы его не утащили или не присвоили другому, и пустой звук “успех”, когда платят за него по восемь гривен с такта»¹⁷. И он не уследил: «Но, ясно для меня стало одно, не следует больше никогда браться за подобные работы. Лучше служить в сторожах, чем возить навоз за такими г... как Коваль. Если бы ты видел, как он возгордился. Он уже решил, что вся моя работа, это — его достижение, а я сам — ничто. Именно в таком духе он и высказывается теперь в печати. Вот, сукин сын»¹⁸. И действительно, в монографии, посвященной М. В. Ковалю можно прочесть такие строки: «Последний вариант оперы (она многократно дорабатывалась композитором и улучшалась в своей архитектонике) — восьмикартинный, в пяти больших актах — получил авторскую инструментовку (в первом варианте оркестровка была осуществлена Д. Рогаль-Левицким, мастером своего дела, но очень далеким по стилистическим тяготениям от мышления, творческой манеры Ковалья)» [4, 130].

Работа Д. Р. Рогаль-Левицкого была полностью обесценена не только этими строками, но и многими другими, появившимися в то время в печати. При попустительстве окружающих, занимавших высокие посты, бесцеремонный и непорядочный по натуре автор присвоил успех и признание, которые по заслугам должны были принадлежать другому: «Он тайно от меня ворует мою партитуру для каких-то своих темных дел, и все, в том числе и Пазовский, ему помогают. Чем этот енок их приворожил, невдомек»¹⁹. А. М. Пазовский, знавший всю подоплеку этой ситуации, не захотел или не смог выступить в защиту действительного автора партитуры оперы.

Отношения между автором оперы и Дмитрием Романовичем закончились полным разрывом: «Этот кретин Коваль разразился грубейшим письмом, на которое я не считал возможным даже ответить. Наши сношения прерваны окончательно»²⁰.

«Пугачевская» история надолго ставила свой след — Дмитрий Романович до конца своей жизни остро переживал несправедливость, которая, с подачи руководителей театра имени С. М. Кирова, стала общепринятой в музыкальных кругах.

В воспоминаниях «Мимолетные связи», написанных музыковедом уже в конце жизни — в 1960 году, приведен разговор Дмитрия Романовича с Е. М. Радиным, являвшимся на момент постановки оперы директором Ленинградского театра оперы и балета:

«Радин встретил меня с самой изысканной любезностью. Он рассыпался в извинениях, что глубоко виноват передо мной за “пугачевскую историю” <...>

— Мы сознаем, что тяжко обидели Вас, но поймите и Вы нас — что мы могли сделать?

¹⁵ Там же. Л. 39. Автограф. Чернила.

¹⁶ Там же. Л. 43. Автограф. Чернила.

¹⁷ Там же. Л. 45. Автограф. Чернила.

¹⁸ Там же. Л. 45–46. Автограф. Чернила.

¹⁹ РГАЛИ, ф. 2985, оп. 1, ед. хр. 331, Л. 47.

²⁰ Там же.

— Только одно — не делать подлости! На такую акцию вас никто не толкал... Разве что этот гад и неблагодарный скот.<...> Много раз я возвращался к этому делу и до сих пор не могу понять мотивов — что я сделал, чтобы меня так хлестнули и Вы, и Арий Моисеевич? Ведь фактом остается тот несомненный факт, что эта ковалевская писанина никогда бы не увидела света рампы, если бы не была обработана для оркестра мною» [5, 183].

Финал этой истории — М. Коваль и А. Пазовский в числе других представлены к Сталинской премии за эту работу и получили ее, имя Д. Р. Рогаль-Левицкого даже не было упомянуто.

Более полувека М. В. Коваль единолично считался автором оперы «Емельян Пугачев». Однако с позиций сегодняшнего дня утверждение, что это — «бесспорно лучшее создание Ковалья», звучит, по меньшей мере, некорректно.

Использованная литература

1. Брук М. Мариан Коваль. М.—Л.: Музгиз, 1950. 76 с.
2. Кабалевский Д. Б. «Емельян Пугачёв» и «Гаянэ» // Советская музыка. 1943. № 1. С. 48–56.
3. Макаров Е. П. Дневник. Воспоминания о моем учителе. М.: Композитор, 1998. 58 с.
4. Поляновский Г. А. Мариан Коваль. М.: Музыка, 1968. 176 с.
5. Рогаль-Левицкий Д. Р. «Мимолетные связи» (К 70-летию со дня рождения Сергея Прокофьева) / Публикация О. Дигонской // Сергей Прокофьев. К 110-летию со дня рождения. Письма, воспоминания, статьи / Ред.-сост. М. П. Рахманова. М., 2001. С. 121–219. (Труды Государственного центрального музея музыкальной культуры им. М. И. Глинки)